

J. R A C I N E



ACADEMIA
1937

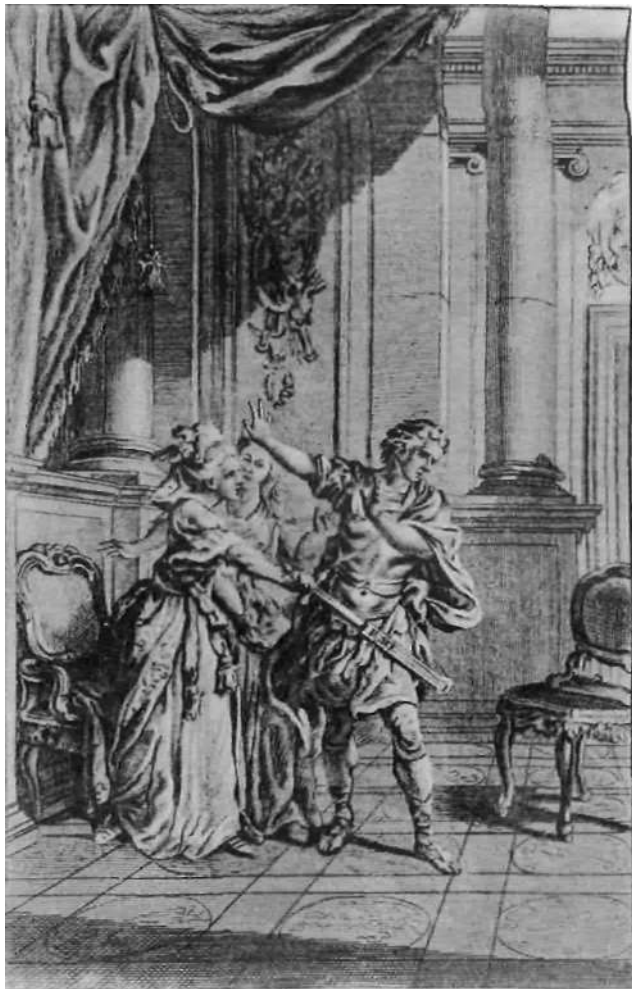
Ж. РАСИН
СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ
ОЧЕРК А.ФРАНСА



ТОМ ПЕРВЫЙ

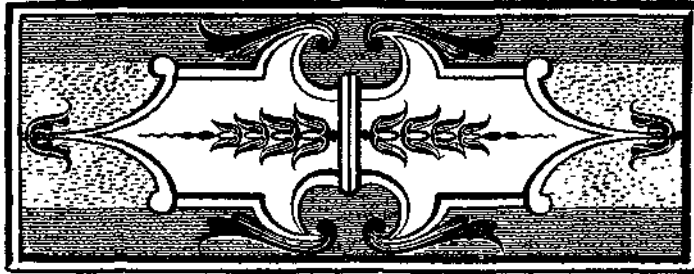
ACADEMIA
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД





АНДРОМАХА

ANDROMAQUE
(1667)



ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

У Вергилия в третьей книге «Энеиды», Эней говорит:

Мимо проходили Эпира берегов и, Хаонии в гавань
Внидя, мы пристаем к высокому граду Буфроту...
В самый тот праздник, когда трапезу п грустные жертвы
Праху Андромаха мужа свершала, и Ман на могилу
Гектора гласом звала, что, пустую, зеленым почтила
Дерном она и двумя, как поводом слез, алтарями...
Взор опустила она и гласом упавшим сказала:
О, между всеми блаженна одна Приамейева дева!
Та у враждебной могилы, высокой под стенами Трои
Смерть приняла, никаких жребьев о ней не метали,
Пленницу не преклонял победитель-хозяин на ложе.
Родины после пожара, по разным влеченные водам,
Спесь потомка Ахилла, надменного юноши, в рабстве
Мы, рождая, сносили. Когда, наконец, устремился
Он за Ледейской Гермией, Лакедемонийским браком,
Гелену отдал меня он, рабыню рабу, в обладанье.
Пирра, однако, Орест, к супруге похищенной страстной
Воспламененный любовью и мстительных фурий во власти,¹
Подстерегает и губит, врасплох, алтарей близ отцовских...

Вот в немногих стихах сюжет этой трагедии; вот место действия, происходящие события, четыре глав-

¹ Энеида, кн. III, ст. 292—333 (перевод В. Брюсова).

ных персонажа и даже их характеры, за исключением Гермiony, чья ревность и пылкость достаточно обрисованы в «Андромахе» Еврипида.

Поистине, мои персонажи были так знамениты в античной древности, что достаточно ее знать хотя в малой мере, чтобы ясно увидеть, что я оставил их такими, какими нам дали их античные поэты. Я и в самом деле не считал, что мне дозволено что-либо менять в их нравах. Единственная вольность, какую я допустил, состоит в некотором смягчении жестокости Пирра, которую Сенека в «Троиде» и Вергилий во второй книге «Энеиды» изобразили гораздо более резко, нежели считал это нужным сделать я.

Все же нашлись люди, которые жаловались на то, что Пирр неистовствует против Андромахи и что он желает взять пленницу в жены любой ценой. Я признаю, что он недостаточно покорен воле возлюбленной и что Селадон лучше него знал совершенную любовь. Что делать? Пирр не читал наших романов. Он был от природы жесток. И не все герои созданы быть Селадонами.

Как бы то ни было, публика была ко мне достаточно благосклонна, чтобы я мог пренебречь горестями двух-трех особ, желавших преобразовать всех героев древности, дабы превратить их в «совершенных героев». Я считаю вполне достойным их желание видеть на сцене лишь безгрешных людей. Однако прошу вспомнить, что я отнюдь не уполномочен изменять законы театра. Гораций советует нам изображать Ахиллеса суровым, непреклонным, неистовым, каким он и был и каким описывают его сына. Точно так же Аристотель не только весьма далек от того, чтобы требовать от нас совершенных героев, но, напротив, желает, чтобы трагические персонажи, то есть те, чьи несчастья создают катастрофу в трагедии, не были ни до конца добрыми, ни до конца злыми. Он не желает, чтоб они были чрезмерно

добродетельны, ибо наказание достойного человека вызовет в зрителе скорее негодование, нежели жалость; равно он не хочет и того, чтобы они были слишком злы, ибо нельзя испытывать жалости к злодею. Отсюда следует, что они должны обладать средними достоинствами, то есть добродетелью, способной на слабость, и что они должны чувствовать себя несчастными из-за какой-нибудь ошибки, которая вызвала бы к ним жалость, не вызывая отвращения.



ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

У Вергилия, в третьей книге «Энеиды», Эней говорит:

Мимо проходили Эпира берегов и, Хаонии в гавань
Внидя, мы пристаем к высокому граду Буфроту...
В самый тот праздник, когда трапезу и грустные жертвы
Праху Андромаха мужа свершала, и Ман на могилу
Гектора гласом звала, что, пустую, зеленым почтила
Дерном она и двумя, как поводом слез, алтарями...
Взор опустила она и гласом упавшим сказала:
О, между всеми блаженна одна Приамейева дева!
Та у враждебной могилы, высокой под стенами Трои
Смерть приняла, никаких жребьев о ней не метали,
Пленницу не преклонял победитель хозяин на ложе.
Родины после пожара, по разным влеченные водам,
Спесь потомка Ахилла, надменного юноши, в рабстве
Мы, рождая, сносили. Когда, наконец, устремился
Он за Ледейской Гермией, Лакедемонийским браком,
Гелену отдал меня он, рабыню рабу, в обладанье.
Пирра, однако, Орест, к супруге похищенной страстной
Воспламененный любовью и мстительных фурий во власти,
Подстерегает и губит, врасплох, алтарей близ отцовских...

Вот в немногих стихах сюжет этой трагедии; вот место действия, происходящие события, четыре главных персонажа и даже их характеры, за исключением Гермией, чья ревность и пылкость достаточно обрисованы в «Андромахе» Еврипида.

Это едва ли не единственное, что я заимствую у данного автора. Ибо хотя моя трагедия носит то же название, что и его пьеса, все же ее сюжет весьма отличен. Андро-

маха у Еврипида боится за жизнь Молосса — ребенка, являющегося ее сыном от Пирра, причем Гермiona хочет умертвить его вместе с матерью. У меня же нет никакой речи о Молоссе: Андромаха не знает ни другого мужа, кроме Гектора, ни другого сына, кроме Астианакса. Мне казалось, что это более отвечает тому представлению, которое ныне существует у нас об этой царице. Большинство из тех, кто слышал об Андромахе, знают ее только как вдову Гектора и мать Астианакса. Они не поверят, что она способна любить иного мужа или иного сына. И я сомневаюсь, чтобы слезы Андромахи могли произвести то впечатление на зрителей, какое они сейчас производят, если бы лились из-за другого сына, а не того, который был у нее от Гектора.

Правда, мне пришлось заставить Астианакса прожить несколько дольше, нежели он жил, но я пишу в стране, где такая вольность не может быть дурно принята. Ибо, не говоря о Ронсаре, избравшем того же Астианакса героем своей «Франсиады», — кто же не знает, что происхождение наших древних королей ведется от этого сына Гектора и что наши старинные хроники спасают жизнь этому юному принцу после опустошения его родины, дабы сделать его основателем нашей монархии?

Насколько смелее был Еврипид в своей трагедии «Елена»! Он бросает в ней вызов всей Греции: он предполагает, что Елена никогда не появлялась в Трое и что, после того как город был сожжен, Менелай нашел свою жену в Египте, откуда она и не выезжала. Основано же все это на мнении, которое было принято лишь среди египтян, как то можно видеть у Геродота.

Я не думаю, что мне необходимо ссылаться на этот пример Еврипида, дабы оправдать небольшую вольность, которую я допустил. Ибо одно дело — разрушать основы предания, другое — видоизменять кое-какие происшествия, меняющиеся в руках у всех, кто их обрабатывает. Так, Ахиллеса, согласно большинству поэтов, можно

ранить только в пятку, а между тем Гомер изображает его раненным в руку и отнюдь не считает его неуязвимым в другие части тела. Так, Софокл умерщвляет Иокасту тотчас же после признания Эдипа, в противоположность Еврипиду, который заставляет ее дожить до сражения и смерти обоих ее сыновей. Именно такого рода противоречия вызвали у одного старинного комментатора Софокла прекрасное замечание: «Не следует попусту придирается к поэтам из-за кое-каких изменений, которые они могли сделать в предании, но следует обращать внимание на превосходное использование этих изменений и на ту изобретательность, с какой они приспособили предание к своему сюжету».



Действующие лица

А н д р о м а х а , вдова Гектора, пленница Пирра.

П и р р , сын Ахилла, царь Эпира.

О р е с т , сын Агамемнона.

Г е р м и о н а , дочь Елены, невеста Пирра.

П и л а д , друг Ореста.

К л е о н а , наперсница Гермионы.

С е ф и з а , наперсница Андромахи.

Ф е н и к с , наставник Ахилла, а затем Пирра.

С в и т а О р е с т а .

*Действие происходит в Буфроте, городе Эпира,
в зале дворца Пирра.*



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Орест, Пилад

Орест

Да, если вновь обрел я друга дорогого,
Я верю, что судьба мне улыбнется снова,
И видно гнев ее смирился наконец,
Раз час свидания настал для двух сердец.
Кто знал, что этих скал унылая громада
Оресту возвратит далекого Пилада?
Что, не видав тебя полгода, верный друг,
При Пирровом дворе с тобой я встречусь вдруг?

Пилад

Я вижу, этого хотели сами боги, —
Они мне в Грецию закрыли все дороги,
С тех пор как с бешенством нас волны понесли
И разлучили нас и наши корабли.
Какие чудились в изгнании мне угрозы!
Какие горькие за вас я пролил слезы!
Я вечно ждал для вас опаснейших тревог,
Которых с вами я — увы! — делить не мог!
Но более всего мне мысли докучали
О том, что склонны вы к мечтательной печали.
Я трепетал, что рок в непоправимый час

Вам гибель принесет, желанную для вас.
 Вы живы, господин! и верю я, — не скрою, —
 В Эпир вас занесло счастливою судьбою:
 И эта роскошь вся и пышность позолот
 Была бы не к лицу тому, кто смерти ждет.

О р е с т

Увы! Таков указ судьбы неодолимой:
 Любовь влечет меня на поиски любимой.
 Но кто предскажет мне, чем кончится наш спор,
 И встречу ль счастье здесь, иль смертный приговор?

П и л а д

Как! Стала ваша жизнь покорною рабою,
 Безумную любовь избрав своей судьбою?
 Иль недостаточно удел ваш был суров,
 Что чары вас *опять влекут под власть оков?*
 Но, равнодушная в стенах Лакедемона,
 Ужели будет здесь вам рада Гермiona?
 Стыдись растрченных в пустых мечтаньях дней,
 Ее бежали вы, молчали вы о ней.
 Но это был обман!

О р е с т

Нет! Сам я был обманут!
 Друг, пожалей того, кого жалеть не станут.
 Ты знаешь счет моим печалям и мечтам;
 Как родилась во мне любовь — ты видел сам.
 Когда же Менелай — о горькая невзгода! —
 Дочь Пирру обещал, отмстителю их рода,
 Мое безумие ты видел; и отголь
 Как я по всем морям влачил тоску и боль.
 С тех пор как у меня была взята невеста,
 Ты стал наперсником печального Ореста,
 Ты усмирял борьбу рассудка моего,

Ты от меня спасал меня же самого.
О, как терзался я, не сдерживая стоны,
Что Пирру отданы все ласки Гермионы!
На сердце у меня безумный вспыхнул гнев,
Я все клялся забыть, любовь преодолев.
Уже победою гордился я, счастливый,
И ненавистью звал горячие порывы,
Все милое забыл и помнил только зло.
Казалось, к ней ничто меня уж не влекло.
Я думал, что спасен от этой страсти знойной,
И прибыл в Грецию обманчиво-спокойный.
Здесь я нашел царей, что были смущены
Уже грозящею опасностью войны.
Я поспешил в их круг, хотел побед и славы,
Чтоб истребить в душе последний след отравы,
Чтоб, мощность прежнюю приобретая вновь,
Из сердца наконец совсем изгнать любовь.
Но подивись со мной, как жизнь ко мне сурова:
Все ту же западню она мне ставит снова!
Повсюду слышу я, что Пирру мы грозим,
И ропот в Греции растет неудержим.
Не помня данных клятв и обязательств взятых,
Врага Эллады он растит в своих палатах.
Несчастный Гектора и Андромахи сын
Царей троянских кровь наследовал один.
Младенца убересть иначе не умея,
Мать ловко провела лукавца-Одиссея,
Чужого отрока в объятия схватив;
Меч поразил его, — Астианакс же жив.
Идет молва, что Пирр не любит Гермиону,
Неся к стопам другой и сердце, и корону.
Сам Менелай, еще не веря, огорчен,
Что равнодушен Пирр, что с браком медлит он.
Но все, что горестью его терзает больно,
Надежду тайную во мне родит невольно.
Я полон торжества, но в сердце говорю,

Что только гнев во мне, что им одним горю!
 Увы! Неверная мной снова овладела,
 И вот опять горит чуть тлевший пламень смело.
 Я понял, что мой гнев исчерпан и без сил; —
 Вернее я постиг, что я не разлюбил.
 Я избран греками послом единодушно;
 Чтоб Пирра посетить, я путь свершил послушно,
 Мне нужно выведать, как сможем вырвать мы
 Ребенка, чья судьба волнует все умы.
 О, если б удалось, забыв про все измены,
 Мне вместо отрока похитить дочь Елены!
 Знай твердо, что меня, влюбленного опять,
 Опасность смертная не сможет удержать.
 Так! Раз усилия ту страсть не победили, —
 Я слепо отдаюсь меня влекущей силе!
 Люблю я! Лишь за ней явился я сюда, —
 Увlechь ее с собой, иль сгинуть навсегда.
 На что способен Пирр? Скажи, его ты знаешь?
 Что видишь при дворе? И в сердце что читаешь?
 Какими чувствами к невесте он объят?
 И то, что он украл, вернет ли мне назад?

П и л а д

Нет! Я бы, господин, солгал вам недостойно,
 Сказав, что он ее уступит вам спокойно;
 Однако не затем, что горд победой он, —
 Вдовою Гектора теперь он увлечен!
 Увы! жестокая его любви не рада, —
 Не страсть, а ненависть была ему награда.
 И все же, что ни день, пытается он вновь
 То ужас ей внушить, то возбудить любовь,
 То смертью сына ей грозит и сердце гложет,
 То, слезы увидав, любви сдержать не может.
 Иль к Гермione вдруг спешит он, чтоб опять
 В строптивой нежности у ног ее вздыхать,

Обеты приносить ей в верности до гроба,
Которые родит в нем не любовь, а злоба.
Какой же вам теперь о нем ответ я дам,
Когда своей душой он не владеет сам?
Он может, господин, отчаявшись в покое,
Взять ненавистное, отвергнув дорогое.

О р е с т

А Гермiona как относится к тому,
Что с браком медлит он, что не мила ему?

П и л а д

Спокойно, господин, — по крайней мере с виду.
Его изменчивость ей словно не в обиду!
Она уверена, что он вернется к ней
И будет о любви молить еще нежней.
Но все же я застал ее в слезах случайно,
Его презрением она томится тайно;
То рвется прочь, то вся во власти этих мест,
И даже ждет порой, чтоб ей помог Орест.

О р е с т

О, если это так, — с каким, Пилад, я рвением
Готов...

П и л а д

Но вас сюда прислали с порученьем!
Царь явится, — и вы сказать ему должны,
Как против мальчика сердца возбуждены.
Однако не отдаст он сына Андромахи!
К ней только страсть сильнее зажгут в нем эти страхи;
Они не разлучат, но сблизят их как раз.
На каждый довод ваш последует отказ.
Но вот и Пирр...

О р е с т

Ступай и передай жестокой,
Что только для нее я прибыл издалека.

Явление второе

Пирр, Орест, Феникс

О р е с т

Эллада, государь, мне оказала честь,
Избрав меня послом, чтоб передать вам весть.
Мне лестно принести приветствие герою —
Ахилла детищу, низвергнувшему Троию!
Так, в ваших подвигах вновь оживает он:
Он Гектора сразил, вы взяли Илион.
И ваша гордая нам показала сила,
Что заменить отца мог только сын Ахилла!
Однако же Ахилл не захотел бы вновь
Из праха возносить царей троянских кровь,
И, полный жалости, ненужной и опасной,
Не стал бы замедлять конца войны ужасной.
Иль слава Гектора для вас уж отжила?
Но помним мы ее кровавые дела,
При имени его трепещут наши вдовы,
Нет в Греции семьи, где бы в борьбе суровой
Виною Гектора не пал отец иль брат.
В ответе сын его, хоть он не виноват!
Как знать, от детских лет его не месть ли гложет?
Как Гектор, в гавани он к нам явиться может,
И наши корабли, объятые огнем,
Как и при Гекторе, пойдут ко дну при нем.
Простите, государь, но я от вас не скрою,
Что ваша доброта окончится бедою!
Змееньш маленький здесь возле вас растет, —
Он злобой вам воздаст за ласку и уход.

Я б эллинам хотел свезти благие вести:
 Спасите жизнь себе, содействуйте их мести!
 Немедля общий враг быть должен поражен:
 Научится на вас бороться с нами он.

П и р р

Забота Греции мне кажется забавной.
 Ужель других забот нет у страны столь славной?
 Мне имя громкое прибывшего посла
 Сулило более почтенные дела.
 Ужели может брать без всякого смущенья
 Сын Агамемнона такие порученья?
 Ужели не смешно, что целая страна
 Желаньем погубить дитя заражена?
 Но почему ее Астианакс тревожит
 И почему она повелевать здесь может?
 Иль между эллинов уже не я один
 Для пленников моих судья и властелин?
 Так! В час, когда у стен еще плывавшей Трои
 Делили меж собой добытое герои,
 Тот жребий, что тогда метали не шутя,
 Дал Андромаху мне, и с ней ее дитя.
 Улисс повлек тогда Гекубу за собою;
 У Агамемнона оплакивала Трою
 Кассандра... Разве я, хотя бы лишь едва,
 В ту пору предъявлял на них свои права?
 Сын Гектора, твердят, даст силу вновь отчизне,
 Мною пощаженный, он лишит меня же жизни...
 О! Впрямь предвиденье рождает тьму забот.
 Мне ж трудно забегать на много лет вперед!
 Я помню Трою той, какой была когда-то, —
 Прекрасной, гордою, героями богатой,
 Царицей Азии, а ныне... Кто бы смел
 Ей предсказать такой неслыханный удел!
 Там башни ветхие и серый пепел ныне,
 Кровавая река, безмолвие пустыни,

А здесь в плену дитя. Ну, как же думать мне,
 Что эта Троя месть готовит в тишине?
 Когда сын Гектора для вас так опорочен,
 То почему ж был суд на целый год отсрочен?
 В те дни никто из вас его убить не смел,
 Хоть легче убивать средь груды мертвых тел!
 Там просто было все: там стар и млад напрасно
 В слезах о жалости к бойцам зывали страстно.
 Ночь и победа нас манили за собой,
 К убийству звали всех и всех бросали в бой.
 Я с побежденными был строгим и жестоким,—
 Но нынче этот гнев мне кажется далеким!
 Мне жаль дитя, и я, Элладе вопреки,
 В крови невинного не омочу руки!
 Под сенью моего незыблемого трона
 Вам не к чему искать остатков Илиона.
 Нет, кончен путь вражды! Для всех нас нужен мир,—
 Что Троей спасено, то сохранит Эпир!

О р е с т

Что хитростью спасен был мальчик — вам не ново:
 Ведь казни предали мы отрока другого,
 За сына Гектора он был убит в тот день.
 Не Трою ищем мы, а Гекторову тень!
 И если за отца мы ненавидим сына,
 То пролитая кровь — одна тому причина,
 Лишь кровью отрока мы мщение утолим!
 Все элины в Эпир придут с войной за ним.
 Остерегитесь!

П и р р

Что ж! Я с радостью их встречу.
 Пусть, как под Троей, здесь они устроят сечу,
 Мешая кровь того, кто некогда помог
 Им одолеть врага, и тех, кто изнемог.
 Неблагодарностью не раз уже платила

Эллада за труды и помощь ей Ахилла.
На радость Гектору то было,— и придет
Для сына Гектора такой же, знать, черед.

О р е с т

Так против эллинов идете вы упорно?

П и р р

На то ль я победил, чтоб слушать их покорно?

О р е с т

Невеста удержать сумеет пыл бойца,
Оберегая вас и своего отца.

П и р р

Но я могу любить все так же Гермиону
И не склонять к ногам ее отца корону!
Я должен примирить, любовью горя,
Веленья нежности с достоинством царя.
Однако вам пора почтить дочь Менелая!
Связующее вас родство отлично зная,
Я здесь задерживать не стану больше вас.
А грекам передать вы можете отказ.

Явление третье

Пирр, Феникс

Ф е н и к с

Его свиданье с ней событиями чревато.

П и р р

Я слышал, что Орест любил ее когда-то,

Ф е н и к с

А если эта страсть вдруг запылает вновь
И у нее зажжет ответную любовь?

П и р р

Ах, Феникс, я скорбеть не стану по невесте!
Пускай влюбленные уедут в Спарту вместе,
Их в этих гаванях открытый выход ждет.
Ах! От каких тогда избавлюсь я забот!

Ф е н и к с

Как...

П и р р

Я бы рассказал тебе мои печали,
Но Андромаха здесь.

Явление четвертое

Андромаха, Пирр, Сефиза, Феникс

П и р р

Вы не меня ль искали?
Могу ль я льстить себя надеждою такой?

А н д р о м а х а

Я шла в узилище, где сын томится мой.
Раз в день мне видеться вы даровали право
С тем, в ком сохранена вся Гекторова слава,
Чтоб с сыном краткий час я слезы лить могла.
Я у него еще сегодня не была!

П и р р

Ах, скоро Греция, объята тревогой,
Доставит вам для слез причин довольно много!

А н д р о м а х а

Однако, что за страх волнует их сейчас?
Троянский пленник ли сумел бежать от вас?

П и р р

Гнев против Гектора не скоро утолится, —
Им страшен сын его!

А н д р о м а х а

Нашли кого страшиться!
Ведь он дитя, и сам не ведает о том,
Что Пирр — его злодей, а Гектор был отцом.

П и р р

Каким бы ни был он, — все полны неприязни,
И требует Орест его скорейшей казни.

А н д р о м а х а

И подтвердите вы столь страшный приговор?
Иль он преступен тем, что радует мой взор?
Нет! Вас страшит не то, что у отца есть мститель,
Но что у матери остался утешитель.
Он заменил бы мне и мужа, и отца.
Но вы меня казнить готовы без конца!

П и р р

Предвидя вашу скорбь, я отвечал отказом:
Уже войной грозят все эллины мне разом,

По если даже все их гордые суда
 За сыном Гектора переплывут сюда,
 И будет литься кровь, как кровь из-за Елены,
 Пусть узрю в пламени и прахе эти стены,—
 Не поколеблюсь; я его спасти хочу,
 И пусть за жизнь его свою заплачу!
 Опасности встречать душа была бы рада,
 Когда бы мог я ждать приветливого взгляда.
 Ужели буду я, тесним со всех сторон,
 Еще и вашею суровостью сражен?
 Вот вам моя рука! Скажите, отчего же
 Вам с нею не принять и это сердце тоже?
 Тот, кто для вас собой пожертвовать готов,
 Не может вас считать в числе своих врагов!

А н д р о м а х а

Что делаете вы? Что скажет вся Эллада?
 Душе великой так ронять себя не надо!
 Решенье, полное высокого огня,
 Сочтут лишь за порыв влюбленного в меня!
 Зачем вам пленница, что вечно столь уныла?
 Зачем хотите вы, чтоб я вас полюбила?
 Что могут вам сулить несчастные глаза,
 Удел которых — скорбь и вечная слеза?
 Нет, нет! Помочь врагу в его беде ужасной,
 Ребенка сохранить для матери несчастной,
 Не дать его на казнь, чтоб утопить в крови,
 Не требовать за то ни ласки, ни любви,
 Дать всё, что могут дать бесстрашие и сила,—
 Вот, что достойнее наследника Ахилла!

П и р р

Как? До сих пор еще ваш гнев не охладел?
 Когда ж ему конец, и мщенью где предел?
 Я много бед принес, — согласен! — и, бывало,
 Кровь ваших воинов мне руки обаграла.

Но этих глаз тогда не знал я дивных сил:
 О, каждую слезу я тяжко оплатил!
 Я из-за них теперь лишен навек покоя:
 Я всё перестрадал, что выстрадала Троя,—
 Сражен, захвачен в плен, опустошен тоской,
 Огнем, которого не знал никто другой...
 Как много горестей, надежд и слез, все сразу...
 Ах, так жесток, как вы, я не бывал ни разу!
 Друг другу вечно мстить — безумно и смешно.
 Одни и те ж враги связуют нас в одно.
 Я страстную мечту лелеять не устану:
 Вернув вам отрока, ему отцом я стану.
 Его за Трою мстить тогда я научу.
 За наши бедствия я грекам отплачу,
 И взгляда вашего довольню, Андромаха,
 Чтоб славный Илион опять восстал из праха
 Скорей, чем греками он был когда-то взят.
 Астианаксу я верну его назад.

А н д р о м а х а

Нет, государь, теперь ему не нужно трона.
 Когда был жив отец, его ждала корона,
 Но больше никогда не узрим мы опять
 Тех стен, что Гектор был не в силах удержать.
 Несчастные не ждут от вас благодеянья.
 Я жажду, государь, лишь одного — изгнанья,
 Чтоб сына скрыть вдали от греков и от вас
 И там оплакивать супруга каждый час.
 Нам ваша страсть сулит лишь горе и измены.
 Ступайте же туда, где ждет вас дочь Елены!

П и р р

Увы! Не властен я! Как сердце ей отдам,
 Когда принадлежит оно навеки вам?
 Она пришла сюда, чтоб быть супругой Пирра,

Она пришла, чтоб стать царицею Эпира;
 Судьба обеих вас соединила вдруг:
 Ее для радостей, а вас для тяжких мук.
 Но на нее смотрю я безразличным оком.
 И каждый бы сказал, увидев ненароком,
 Как власть ее слаба, а ваша власть сильна,
 Что вы — царица здесь, а пленница — она!
 Ах, каждый вздох, что вам несу в тоске мятежной,
 С какой бы радостью она ловила нежной!

А н д р о м а х а

К чему же отвергать ей ваши вздохи вдруг?
 И как не помнить ей оказанных услуг?
 Нет! Троя не встает меж вами как преграда!
 И праха мужа ей оплакивать не надо!
 Супруг единственный! О, роковой конец!
 Стал смертью Гектора бессмертен ваш отец...
 Вас Гекторова кровь одела блеском славы,
 И слез моих венцы венчали ваши главы!

П и р р

Пусть так, сударыня, — исполню ваш приказ:
 Забуду иль, верней, возненавижу вас.
 Да, страсть в моей груди взросла неосторожно:
 Мне равнодушным быть теперь уж невозможно!
 Но знайте, если я теперь вас разлюблю,
 То темною враждой я сердце затоплю,
 И будет ненависть жестока и опасна,
 И сын за мать тогда ответит мне ужасно!
 Так хочет Греция! Во мне ж стремленья нет
 Неблагодарных вновь оберегать от бед.

А н д р о м а х а

Итак, он обречен! Но что его спасало?
 Скорбь матери, иль то, что лет ему так мало?

Однако есть исход для горестных сердец,
Я верю, смерть его приблизит мой конец.
Я только для него терпела все страданья.
Вослед за ним к отцу пойду я на свиданье.
Вы причините нам не зло, — наоборот,
Вы нам...

П и р р

Сударыня, вас сын давно уж ждет!
Быть может, вид его, смиряя ваши страсти,
И утишив ваш гнев, спасет нас от напасти.
Я за ответом к вам потом хочу придти.
Подумайте о том, как отрока спасти!



ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Гермиона, Клеона

Гермиона

Пусть так. Согласна я Ореста видеть снова,
Я этой радостью почтить его готова.
С Пиладом пусть придет,— но, милая моя,
С какой охотой с ним не виделась бы я!

Клеона

Но что смущает вас в Оресте? Мне сдается,
Каким он прежде был, таким и остается.
Не вы ль его сто раз призвать хотели вновь?
Не вы ль хвалили в нем и верность, и любовь?

Гермиона

Но потому-то с ним мне встретиться не мило,
Что я его любовь тогда не оценила!
Мне — стыд! Зато ему — какое торжество!
Теперь моя беда равна беде его.
Он молвит: то она ль с ее былой гордыней?
Она гнушалась мной — другой воздал ей ныне.
И та, что столь себя ценила высоко,
Узнает, как сносить презренье не легко!
О боги!..

К л е о н а

Вас грызет напрасная истома:
 Ведь сила ваших чар давно ему знакома.
 Не для возмездия он явится сюда,
 А с тем, чтобы отдать вам сердце навсегда.
 Но что вам шлет отец, вас любящий так нежно?

Г е р м и о н а

Коль будет медлить Пирр все так же безнадежно,
 И коль троянца он на казнь не обречет, —
 То с греками отец меня обратно ждет.

К л е о н а

Оресту, госпожа, должны внимать вы смело.
 Пусть начал Пирр, но вы — вы завершите дело!
 Его опередить полезней вам самой:
 Ведь ненавистен он бывает вам порой.

Г е р м и о н а

Он! Ненавистен мне! О нет, — здесь дело чести!
 Как мог забыть он все, что пережито вместе?
 Он был так дорог мне, а я презренна им?..
 Ах, как простить тому, кто мной был так любим?

К л е о н а

Бегите ж от него... И раз другой вам верен...

Г е р м и о н а

Пускай растет мой гнев, пусть будет он безмерен!
 Дай укрепиться мне в решимости такой...
 Но о разлуке с ним я думаю с тоской, —
 Неверный совершит измену — знаю! — смело.

К л е о н а

Иль мало тех обид, что здесь душа терпела?
 У вас же на глазах он в пленницу влюблен,
 И несмотря на то, вам не противен он.
 Он разве вас жалел, стремясь к своей удаче?
 Он был бы мерзок вам, когда б вы были зрячи!

Г е р м и о н а

Жестокая, меня ты мучаешь любя!
 Ведь даже я сама не узнаю себя.
 Не замечай, прошу, того, что слишком ясно:
 Верь, что забыт он мной, что все теперь прекрасно,
 Верь, что презрением полна душа моя,
 Увы! и сделай так, чтоб верила и я.
 Его должна бежать? Ну, что же, я готова!
 Победы роковой уж я не вспомню снова,
 Что над плененною ему вручила власть.
 Бежим... Но если вдруг он позабудет страсть?
 Но если верность вдруг в груди его проснется?
 Но если он с мольбой к моим ногам вернется?
 О, если бы Амур его отдать мне мог!
 О, если бы... Нет, Пирр слезам меня обрек!
 Но я останусь здесь, чтоб отравлять им сладость.
 Им вечно докучать — последняя мне радость!
 Обеты верности пускай нарушит он
 И будет, как злодей, всем миром заклеен.
 На сына навлекла я гнев Эллады целой,—
 За Андромахою теперь осталось дело.
 Прощать сопернице не стану ничего,
 Пусть губит дерзкого иль гибнет от него!

К л е о н а

Ужель ее глаза, что лишь к слезам готовы,
 Хотят его завлечь в любовные оковы?

Ужель ее тоской исполненная речь
 Пытается к себе гонителя привлечь?
 Нет, у него она не ищет утешенья!
 Она погружена душой в свои мученья.
 С любовником она сурова почему?

Гермиона

Зачем доверчиво внимала я ему?
 Я молчаливою не прикрывалась тайной,
 Всегда с ним искренней была я не случайно;
 Ни разу не страдал он по моей вине, —
 Я поступала так, как сердце скажет мне.
 Как было мне скрывать, что нежностью объята,
 Когда передо мной в любви клялись так свято?
 Бесчувственным тогда он не был отчего?
 Припомни лишь: ведь все, все было за него —
 Мой отомщенный род, войска в победном кличе,
 Триремы, полные неслыханной добычи,
 Он сам, величием затмивший честь отца,
 Взаимной нежностью горящие сердца,
 Ты, ослепленная сияньем этой славы...
 Нет, ранее, чем он, все предали меня вы!
 Каким бы ни был Пирр, — он разлюбил меня,
 Я ж не бесчувственна, и полн Орест огня,
 Умеет он любить, не требуя ответа.
 Быть может, полюбить его смогу за это!
 Так пусть же он придет...

Клеона

А вот и он как раз,

Гермиона

Ах, я не думала с ним видеться сейчас!

Явление второе

Гермиона, Орест, Клеона

Гермиона

Остаток нежности ль, когда-то столь победной,
Заставил вспомнить вас о Гермионе бедной?
Иль, может быть, лишь долг один тому виной,
Что так неожиданно вы явились предо мной?

Орест

Давно себе нигде не нахожу я места,
Вы это знаете; таков удел Ореста—
К ногам вам приносить всегда свою любовь
И клясться никогда не возвращаться вновь.
Я знаю: вновь ваш взгляд мне истерзает душу,
И с каждым шагом вновь я свой обет нарушу.
Я знаю, я стыжусь! Но я призвать готов
Прощанья моего свидетелей, богов,
Что в смерти я искал спасительной свободы
От данных мною клятв и от моей невзгоды.
Я к варварам пришел, услышав, что всё вновь
Их боги требуют себе людскую кровь:
Жрецы закрыли храм и от меня не взяли
Той крови, что давал я щедро им в печали.
И вот я вновь близ вас и вынужден опять
Смерть недоступную у вас в глазах искать.
Но я давно готов к их хладному отказу,
Надежды луч пускай они отнимут сразу.
Чтоб смерть желанная за мной пришла сюда,
Пусть снова повторят, что говорят всегда!
Уж целый год я полн одной заботой страстной.
Смотрите ж, госпожа, у вас в руках — несчастный,
Чью жизнь мог дикий скиф отнять уже не раз,
Когда б жестокостью он походил на вас.

Г е р м и о н а

Нет, не такую речь, Орест, вести вам надо!
 Вам боле важный долг доверила Эллада.
 Достойно ли твердить лишь о любви своей
 Тому, кто облечен доверием царей?
 Порыв влюбленного их месть лишь опорочит!
 Орестову ли кровь пролить Эллада хочет?
 Так исполняйте ж долг, возложенный на вас...

О р е с т

Его я выполнил — и получил отказ.
 Пирр отослал меня; и, видно, есть причина,
 Что защищать решил он Гекторова сына.

Г е р м и о н а

Неверный!

О р е с т

Прочь спеша от этих берегов,
 Свой приговор от вас я выслушать готов.
 Но слышу ваш ответ заране, и не скрою,
 Жду, что подсказан он давнишнею враждою.

Г е р м и о н а

Ах, ваша речь всегда пристрастна и мрачна,
 Всегда упреки я выслушивать должна!
 Откуда ненависть моя вам так знакома?
 В Эпир я послана из отческого дома:
 Так повелел отец; но, может быть, с тех пор
 Не раз был тягостен мне этот приговор?
 Ужели вы один влачили дни в печали?
 Ужель мои глаза здесь слез не проливали?
 И кто вам говорит, что, долгу вопреки,
 Не простирала к вам я дрогнувшей руки?

О р е с т

Что слышу я? Ко мне, о дивное создание,
 Ко мне ль обращено подобное признание?
 Откройте же глаза — вам внемлет, опьянев,
 Орест, что с давних пор внушал вам только гнев!

Г е р м и о н а

Да, вижу, это тот, кто силой первой страсти
 Открыл моим глазам могущество их власти,
 Тот, чьи достоинства смогла я оценить,
 Кого мне жаль, кого хотела б я любить.

О р е с т

Все ясно! Худшие свершились ожидания!
 Все чувства — Пирру, мне ж — одни лишь пожеланья.

Г е р м и о н а

Ах! чем удел его вам кажется хорош?
 Вас ненавидела б...

О р е с т

Но и любили б все ж...
 О, на меня тогда глядели б вы иначе!
 Я вас влеку к себе? — не чувствую удачи!
 Тогда ж, наоборот, вы, полная огня,
 Желая презирать, любили бы меня!
 О, сколько доброты, и нежности усталой,
 И уважения, — увы, то слишком мало!
 Дань отдали сейчас вы Пирру одному,
 Наперекор себе и вопреки ему.
 Он ненавидит вас, давно влюблен в другую,
 Он...

Г е р м и о н а

Кто уверил вас, что я его ревную?
 Иль речь его была презрением полна?
 Иль, думаете вы, я лишь на то годна?
 Иль постоянных чувств я более не стою?
 Но видит кое-кто меня еще иною!

О р е с т

Что ж! Оскорбление я заслужил как раз!
 Жестокая! Итак, я презираю вас?
 И вы не знаете всю прочность этой страсти?
 И я не отдался навеки вашей власти?
 Нет, рады были б вы, прекрасная моя,
 Чтобы соперник мой вас презирал, как я!

Г е р м и о н а

Ни нежности его, ни злобы мне не надо!
 Пусть против дерзкого восстанет вся Эллада,
 За непокорность ей — пускай ответит он.
 И пусть падет Эпир, как новый Илион.
 Что ж, будете ль твердить, что в Пирра влюблена я?

О р е с т

Смелей же, госпожа, — вас ждет страна родная!
 Чем оставаться здесь залогом до конца,
 Пусть ваши очи там воспламят сердца.
 Мы будем общею враждой вооруженны.

Г е р м и о н а

А если изберет он Андромаху в жены?

О р е с т

Но, госпожа. ..

Гермиона

Какой неслыханный позор,
Коль на фригийянке он остановит взор!

Орест

И это — ненависть? Признайтесь лучше смело,
Что страсть утаивать — немислимое дело!
Все выдает вас: взгляд, молчание и стон.
Чем хуже скрыт огонь, тем ярче вспыхнет он.

Гермиона

Я вижу явственно, что ваша страсть готова
Отравой напитать мое любое слово,
И доводы мои насмешливо презрев,
Уловкою любви считает правый гнев.
Но дайте мне сказать, а действовать — вам вольно:
В Эпир я прибыла отнюдь не добровольно,
Долг держит здесь меня, и я останусь тут,
Пока отец иль Пирр меня не отзовут.
Иль Пирру не ясна вот эта мысль простая:
Не может греков враг быть зятем Менелая.
Троянец или я, — пусть выбирает он!
Один из нас двоих быть должен устранен, —
Пусть отошлет меня или того, другого!
Прощайте ж! Коль решит — уехать я готова.

Явление третье

Орест *(один)*

Да, вы уедете, сомненья в этом нет!
Могу вам предсказать, какой он даст ответ.
Я знаю, Пирр ее удерживать не станет:
Троянка милая его влечет и манит.

Иным страстям он чужд и будет только рад
 Предлогу отослать немилую назад.
 Здесь дело лишь за мной! Я Зевса возвеличу
 За посланную мне чудесную добычу!
 Спасать тень Гектора теперь тебя зову,
 И воинов его, и сына, и вдову.
 Эпир! Достаточно, что Гермiona ныне
 Забудет о твоём великом господине.
 Но вот и он, — сюда он послан мне судьбой!
 Амур, для чар её глаза ему закрой!

Явление четвертое

Пирр, Орест, Феникс

П и р р

Я вас искал, и вам все объясню я прямо.
 На ваши доводы я возражал упрямо,
 Но, все обдумав, я сказать вам долгом чту,
 Что понял силу их и вашу правоту.
 Перед моим отцом, перед моей державой,
 Перед самим собой я поступал неправо.
 Спасая Илион, я навсегда губил
 Все то, что сделал сам и чем был горд Ахилл.
 Я понял, что ваш гнев законен, и для плахи
 Сегодня выдам вам я сына Андромахи.

О р е с т

Так, государь, — то путь надёжный и простой,
 Хоть мир вы купите кровавою ценой.

П и р р

Я укреплю его, чтоб избежать измены.
 В залог его была дана мне дочь Елены,

И я на ней женюсь. Мне мнится, этот час
 Ждал, государь, сюда в свидетели лишь вас.
 В лице Ореста здесь — вся Греция родная,
 Сын Агамемнона заменит Менелая.
 Итак, ступайте ж к ней. Скажите ей, мой друг,
 Что завтра я приму ее из ваших рук.

О р е с т (*в сторону*)

О боги!..

Явление пятое

Пирр, Феникс

Пирр

Что ж, любовь еще владеет мною?
 Доволен ты теперь решимостью такую?

Феникс

Я узнаю вас. Гнев — хваление судьбе! —
 Вернул вас Греции и самому себе:
 То не дитя страстей в томлении унылом,
 А Пирр, что мог один соперничать с Ахиллом!
 Вас слава не отдаст из-под своих знамен,
 И был вторично взят сегодня Илион!

Пирр

Верней скажи, что я сегодня лишь по праву
 Впервые получил заслуженную славу,
 Затем, что гордое, без вздохов и без слов,
 Смирило сердце страсть, как тысячу врагов.
 Ах, Феникс, избежал ужасной я напасти.
 Какие бедствия идут по следу страсти!
 Дружьями, долгом, — всем я рад был пренебречь
 За взгляд ее один, за ласковую речь.

Не смог бы совладать я с целой Элладой,
Но погубить себя казалось мне отрадой.

Ф е н и к с

Счастливою для вас жестокостью полна,
Могла ли?..

П и р р

Видел ты, какой была она!
Я ждал, что, истомясь в мучительной тревоге,
Придя от мальчика, она падет мне в ноги.
Я их свидание хотел увидеть сам,
Но встретил бешенство и слезы гнева там.
В ожесточении она была сурова,
Лишь имя Гектора все повторяла снова,
Она не слушала нимало речь мою,
Над мальчиком твердя: «Его я узнаю!
Его глаза, и рот, и смелость молодую...
Да! Это он! Тебя, супруг мой, я целую!»
Что думает она? Ужели может ждать,
Что сына ей верну, чтоб страсть ее питать?

Ф е н и к с

Похожа на нее подобная награда.
Довольно слов о ней...

П и р р

Я знаю, что ей надо.
Она сильна красой и ждет, что как в бреду,
Забыв свой гнев, я вновь к ногам ее паду.
Она ж, у ног моих, меня бы не смутила:
Супруга Гектора — она, я — сын Ахилла,
И океан вражды нас разделяет двух.

Ф е н и к с

О ней рассказами свой не терзайте слух.
Вас Гермiona ждет, и вы прекрасны оба.
Вблизи нее как дым растает ваша злоба.
Но сами вы должны склонить ее на брак, —
Я бы сопернику не доверялся так.
Ведь он в нее влюблен...

П и р р

Но взяв ее в супруги,
Увижу ль пленницу в ревнивом я испуге?

Ф е н и к с

Опять! Она одна вам всё идет на ум!
Какое дело вам до слез ее и дум?
Какое волшебство вас к ней влечет невольню?

П и р р

Я ей не всё открыл, я не сказал довольно,
Не обнажил пред ней я злобы донага,
Она еще во мне не поняла врага.
Вернемся к ней, и ей я все тогда открою,
И хлынет ненависть широкою рекою,
Ты униженною ее увидишь сам.
Идем!

Ф е н и к с

Идите пасть опять к ее ногам,
Идите клясться ей и в страсти, и в надежде,
Чтоб презирать могла она вас, как и прежде!

П и р р

Ты думаешь, что я простить ее могу?
Что я ее ищу? Что я за ней бегу?

Ф е н и к с

Вы любите ее!

П и р р

Люблю! Какое слово!

Ей льстит моя любовь, и все ж она сурова.
 Ни братьев, ни друзей, одна поддержка — я!
 Астианакса жизнь зависит от меня.
 Чужая... Нет, не то — рабыня здесь в Эпире.
 Я сына ей дарю, свою любовь, всё в мире, —
 Но что ни делаю, в награду мне дано
 Ее гонителя лишь звание одно.
 Нет, нет, я клятву дал, — своей я мести верен,
 И ненависть ее я оправдать намерен!
 Я бросил мальчика... О горьких слез река!
 Как назовет меня теперь ее тоска!
 Какое зрелище я перед ней открою!
 Она умрет, мой друг, и я тому виною!
 Ведь это все равно, что нож вонзить ей в грудь!

Ф е н и к с

Но разве может вас принудить кто-нибудь?
 Что вашей слабости мешает вам предаться?

П и р р

Прости! Мне с нежностью так трудно расставаться!
 Но отлетит она, мой гнев не победив!
 Слабеющей любви прости последний взрыв!
 Дай, Феникс, мне совет, — я подчинюсь без стона:
 Что сделать с мальчиком? Что хочет Гермiona?

Ф е н и к с

Вам надо, господин, назвать ее женой,
 И с ней...

П и р р

Исполним все обещанное мной!



ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Орест, Пилад

П и л а д

Нельзя же, господин, неистовствовать доле.
Я вас не узнаю, вы не Орест уж боле.
Послушайте...

О р е с т

О, нет, совет твой опоздал!
Пилад, я разуму давно внимать устал.
Такую жизнь влачить отныне не хочу я:
Я похищу ее, иль встречу смерть, ликуя!
Решенье принято; его осуществлю, —
Я так хочу.

П и л а д

Ну, что я? — охотно пособлю.
Согласен. Но сперва подумайте немного,
Какая вслед за тем подыметя тревога.
Старайтесь скрыть в себе волнение души
И свой секрет таить и соблюдать в тиши.
Здесь стража вся, весь двор, сам воздух — с ними вместе.
Все Пирру предано, верней — его невесте.
От глаз ее свой гнев старайтесь скрыть верней.
О боги! И таким явились вы пред ней?

О р е с т

Не знаю! Я в тот миг уж не владел собою.
 Предавшись ярости, я им грозил борьбою —
 Ее любовнику и ей самой назло.

П и л а д

К чему вас бешенство такое привело?

О р е с т

Ах, чья душа, скажи, крыла б не опустила,
 Когда бы вдруг ее такая весть сразила?
 Назначил брачный пир на завтра сам жених,
 Он хочет получить жену из рук моих.
 Уж лучше бы в крови омыл я эти руки!..

П и л а д

Его вините вы в ужасной вашей муке.
 Но разве менее жесток его удел?
 Ах, как и вас, его в душе я пожалел!

О р е с т

Нет, нет, его влекло — клянусь! — мое мученье!
 Он без моей любви дарил ей лишь презренье,
 В нем прелести ее не возбуждали страсть,
 Она ему нужна, чтоб у меня украсть!
 О боги! Ведь она была почти согласна
 Покинуть все, что здесь влекло ее так властно;
 Меж страстью и тоской колеблясь в тишине,
 Ей нужен лишь отказ, чтобы предаться мне.
 С Орестом говорить она была готова,
 Жалела, слушала... еще одно лишь слово...

П и л а д

Вы думаете?

О р е с т

Пирр ей стал невыносим,

Она...

П и л а д

Ах, никогда он не был так любим!
 Пусть даже вам ее уступит он, — о боги! —
 Чтоб задержаться здесь, она найдет предлоги.
 Поверите ль вы мне? Хочу совет вам дать:
 Не похищать ее вам надо, а бежать!
 Иль с фурией себя вы свяжете беспечно,
 Что ненавидит вас, что будет помнить вечно
 Другой, желанный брак, и, злобу затая,
 Начнет...

О р е с т

Затем-то вот ее похищу я!
 Как! Ей жить в счастии, а мне избрать уделом
 Терзанье бешенством слепым, остервенелым?
 И от нее вдали всё думать об одном.
 Нет, если мучиться, то вместе с ней, вдвоем!
 Казниться одному? О, я страдал довольно!
 Бесчеловечной, ей пусть будет так же больно,
 И пусть ее глаза, познавши горечь слез,
 Вернут мне имена, что я им преподнес!

П и л а д

Вы поручение исполните отлично,
 Став похитителем...

О р е с т

Пусть так, — мне безразлично!
 Когда исполню то, что мне велит страна,

Ведь нежностью меня не усладит она?
 И чем поможет мне все восхищенье мира,
 Коль скоро сделаюсь я притчею Эпира?
 Что ждешь ты от меня? О, если хочешь знать,
 От добродетели я начал уставать!
 С тех пор, как мир стоит, всё то же нахожу я:
 Рок поощряет зло, невинность наказуя.
 Куда ни кину взгляд, лишь горести видны,
 И небом мы всегда страдать обречены!
 Пусть боги нас разят, падем под их гоненьем!
 Но казнь должна идти лишь вслед за преступленьем.
 А ты зачем всегда, Ореста возлюбя,
 Ему грозящий гнев приемлешь на себя?
 Ты слишком предан мне, несчастного жалея, —
 Покинь его скорей, спасайся от злодея!
 Со мной напрасно ты так связан, мой Пилад,
 Я повстречать один опасность буду рад.
 Ты ж сына Гектора, как требует Эллада,
 Доставь туда.

П и л а д

Увезть нам Гермиону надо!
 Великая душа в опасности видна,
 А дружба честная на подвиги годна.
 Так! Ваши элины усердны и исправны,
 В порядке корабли, и дует ветер славный.
 Здесь, во дворце, знаком мне каждый поворот,
 Здесь море близкое в крутую стену бьет,
 И ночью без труда, дорогой мне известной,
 Придем мы на корабль с добычею прелестной,

О р е с т

О добрый друг, прости, не нахожу я слов;
 На свете ты один жалеть меня готов.
 Прости несчастного, который с горем дружен,

Кто ненавистен всем и сам себе не нужен!
Настанет ли тот день, когда я заплачу...

П и л а д

Блюдите тайну: вот — все то, чего хочу!
Намеренье свое не выдайте до срока,
Прикиньтесь, будто вам нет дела до жестокой,
Что пыл угас... Но, чу! Она идет сюда.

О р е с т

Коль сдержишь слово ты, — сдержу и я тогда!

Явление второе

Гермиона, Орест, Клеона

О р е с т

Итак, победы я добился с полуслова:
Я с Пирром виделся, и к браку все готово,

Г е р м и о н а

Так люди говорят, — и, как могу судить,
Явились вы сюда меня предупредить.

О р е с т

И разум ваш молчит и спорить не намерен?

Г е р м и о н а

Могла ли думать я, что Пирр мне всё же верен?
Что чувства прежние воскреснут в нем опять?
Что он придет ко мне, когда решусь бежать?
Конечно, знаю я, — его страшит Эллада,

И видеть не любовь, а лишь расчет здесь надо,
И вам мои глаза дороже во сто раз...

О р е с т

О, нет сомнения, он очень любит вас!
Власть ваших дивных глаз сильна на самом деле.
Но ведь и вы ему понравиться хотели?

Г е р м и о н а

Ах, без меня в те дни решались все дела.
Могу ль отнять я то, что даже не дала?
Нам вечно говорят, что страсть — не наша доля,
Нас к послушанию от юных дней неволя.
Я ж вздумала бежать. Свидетель — вы, что раз
Готова я была свой долг забыть для вас.

О р е с т

Увы! Жестокая, вы знали... Впрочем, что же?
То ваше право брать того, кто вам дороже.
Вы выбрали! Судьбу приемлю не кляня,
Хоть отнял выбор ваш так много у меня!
К чему роптать? На все есть повеленья рока,
Вас жалобой терзать напрасно и жестоко.
Вы долг исполнили, а я свой приговор!
Давайте ж прекратим напрасный разговор.

Явление третье

Гермиона, Клеона

Г е р м и о н а

Как речь его была спокойна и бесстрашна.

К л е о н а

Ах, молчаливая печаль всегда опасна.
 Ореста жалко мне, тем более, что он
 Сам вызвал тот удар, которым был сражен.
 Считите, сколько лет ваш брак не мог свершиться,—
 Орест пришел, — и Пирр готов на брак решиться.

Г е р м и о н а

Кого боится Пирр? Пред кем держать ответ?
 Пред теми ль, кто дрожал под Троей столько лет?
 Кого в отсутствии Ахилла страх без меры
 Кидал на пламенем объятые галеры?
 Кому,— когда б не сын великого отца,—
 Елену выручать пришлось бы без конца?
 Нет, Пирр не враг себе. Напрасен страх Клеоны!
 Любима Пирром я, коль избрана им в жены!
 Пускай Орест теперь винит меня во всем.
 Но не довольно ль говорить о нем?
 Пирр снова наш! И вот, ты видишь, дорогая,
 Здесь Гермiona ждет, от счастья замирая.
 Ты знаешь ли, кто Пирр? Ты знаешь, сколько есть
 Им совершенных дел... Но кто их может счесть?
 Он смел, с победою он дружен, как с сестрою,
 Он постоянен, добр, как свойственно герою.
 Подумай...

К л е о н а

Тсс! Сюда соперница в слезах
 Спешит, чтоб вам излить свою тоску и страх.

Г е р м и о н а

Вы радости моей, о боги, не хотите!
 Что ей могу сказать? Уйдем...

Явление четвертое

Андромаха, Гермiona, Клеона, Сефиза

А н д р о м а х а

Куда спешите

Вид горя моего вас радовать бы мог:
 Ведь Гектора вдова с мольбой у ваших ног.
 Но здесь я не затем, чтобы с ревнивым жаром
 О сердце говорить, покорном вашим чарам.
 Ах! Пронзено рукой жестокою в борьбе
 То сердце, что одно влекло меня к себе.
 С одним лишь Гектором я знала страсти силу,
 И вместе с ним та страсть опущена в могилу.
 Но у меня есть сын. Поверьте, будет час,
 И вы узнаете, что значит сын для нас.
 Но я желаю вам, чтоб вы не испытали
 Из-за его судьбы мучительной печали,
 Когда из всех даров, что жизнь нам может дать,
 Остался он, и вот его хотят отнять.
 Когда в отчаяньи, боям не зная смены,
 Троянцы ворвались в ваш дом, в покой Елены,
 На помощь Гектора я позвала — и вот
 Вы были спасены, и ныне Пирр вас ждет.
 Скажите, что страшит их в мальчишке невинном?
 О, дайте скрыть его на острове пустынном,
 Я там его одна воспитывать хочу
 И лишь рыданиям его там научу...

Г е р м и о н а

Я вам сочувствую. Но власть отца сурова.
 Мне долг велит молчать, и я молчать готова.
 От Пирра требует Эллада той главы,
 А Пирра упросить кто может, как не вы?

Не ваши ли глаза над ним царили властно?
Пускай прикажет он, а я на все согласна.

Явление пятое

Андромаха, Сефиза

А н д р о м а х а

Каким презрением дышал ее отказ!

С е ф и з а

Ах, Пирра разыскать вам надобно тотчас:
Чтоб вам торжествовать, довольно будет взгляда.
Но сам он ищет вас...

Явление шестое

Пирр, Андромаха, Феникс, Сефиза

П и р р

Мне Гермionу надо
Увидеть... Ты ж сказал, что Гермionа тут...

Ф е н и к с

Да, да...

А н д р о м а х а

Мои глаза его уж не влекут.

П и р р

Что говорит она?

А н д р о м а х а
К моим он хладен бедам.

Ф е н и к с
Спешите, государь, за Гермией следом!

С е ф и з а
Теряем время мы! Напрасно мы молчим!

А н д р о м а х а
Он сына хочет взять...

С е ф и з а
Еще не взят он им.

А н д р о м а х а
Сын смерти обречен, — всё, всё теперь бесплодно!

П и р р
Смотри, — на нас взглянуть ей даже не угодно!
О, как горда!

А н д р о м а х а
Уйдем! Нет силы спорить с ним.

П и р р
Мы тотчас мальчика Оресту отдадим.

А н д р о м а х а (*бросаясь к ногам Пирра*)
О, страшные слова на приговор похожи!
Коль будет отдан сын, отдайте мать им тоже!
Давно ли ласкою дышала ваша речь?

Смогу ли жалости хоть искру я зажечь?
Иль я слезам навек обречена сурово?

П и р р

Вам Феникс подтвердит, — я эллинам дал слово!

А н д р о м а х а

И это Пирр, что был из-за меня так смел?

П и р р

Я был слепым тогда, но я теперь прозрел.
Его помиловать для вас я был бы в силе,
Но вы меня о том ни разу не просили.
Теперь же поздно...

А н д р о м а х а

О! Вы слышали не раз
Невыразимый вздох, подавленный тотчас.
Простите же судьбе, когда-то столь огромной,
Гордыню, что всегда боится быть нескромной.
Вы знаете, меня ни горести, ни плен
Заставить не могли обнять ничьих колен.

П и р р

Нет, я противен вам! Вам кажется опасным
Ответить чем-нибудь моим желаньям страстным,
И даже милый сын, когда б его я спас,
Столь обожаемым уж не был бы для вас.
Не видите во мне вы ни стыда, ни чести,
Ваш гнев сильней, чем гнев всех греков, взятых вместе.
Что ж, оставляю вас столь милой вам судьбе...
Прощайте!

А н д р о м а х а

Мой супруг, иду, иду к тебе!

С е ф и з а

О госпожа...

А н д р о м а х а

Теперь ничто уж не поможет!
Виновник мук моих, он их не знать не может.

(Пирру)

О государь, за что жестоки вы ко мне?
При мне убит отец, и город пал в огне,
При мне погибло все семейство Андромахи,
И Гектора влекли кровавый труп во прахе,
И сын его цепям был обречен судьбой.
Для сына я дышу, осталась жить рабой...
Нет, более того: я тешилась сознанием,
Что счастливо сюда мы брошены изгнанием,
Что отрок царственный самой судьбой храним,
Попавши к вам во власть, а не во власть к другим,
Что может этот плен нам стать приютом милым.
Поверженный Приам обласкан был Ахиллом, —
От Пирра я ждала такой же доброты.
Мою доверчивость, супруг, простишь ли ты?
Казалось мне, твой враг лишь совести послушен,
Что он, смилив себя, всегда великодушен.
Напрасно я ждала, что буду отдана
Гробнице Гектора, что мной возведена,
Что, положив конец часам и дням унылым,
Соединюсь опять с моим супругом милым...

П и р р

Оставь нас, Феникс, здесь...

Явление седьмое

Пирр, Андромаха, Сефиза

П и р р

Постойте, госпожа!

Вам рано мальчика оплакивать, дрожа.
 Мне жаль, что я вам дал рыдать в жестокой муке,
 Я этим лишь вложил оружие вам в руки.
 Я думал, что во мне лишь ненависти яд...
 Но подымите же хоть на мгновенье взгляд!
 Похож я ль на судью, пытающего строго?
 На злобного врага похож ли хоть немного?
 Вы гоните меня, и этим вы горды?
 Во имя мальчика не хватит ли вражды?
 Чтобы спасти его, я к вам взываю ныне:
 Как нужно вас еще молить о вашем сыне?
 Иль должен за него я вам лобзать ступни?
 Обоих вас спасти — способны вы одни.
 Я знаю, чем грозит презрение обета,
 Какую ненависть я претерплю за это,
 На Гермонино чело мне суждено
 Не царский класть венец, а вечное пятно.
 Ждут в храме свадебном не вас, а Гермionу,
 А я... я возложу на вас ее корону!
 Не время, госпожа, отказами играть,
 Пора меж гибелью и царством выбирать.
 Неблагодарностью измучен я безмерно,
 Я знать свою судьбу теперь хочу наверно.
 Я долго угрожал, надеялся, молил...
 Нет силы вас терять, но ждать нет также сил.
 Решайте ж! Я вернусь и в храм отправлюсь с вами,
 Младенца вашего мы тоже встретим в храме.
 Там вы познаете иль мрак, иль торжество:
 Там я венчаю вас, иль погублю его.

Явление восьмое

Андромаха, Сефиза

Сефиза

Старанья Греции, как видите, напрасны, —
Лишь вы своей судьбой распорядиться властны.

Андромаха

Вот привели к чему твои слова, — прости!
Я сыну приговор должна произнести.

Сефиза

Чрезмерно вы верны супругу, нет сомненья,
И верность доведет вас лишь до преступления.
Сам Гектор был бы рад, чтоб обрели вы мир.

Андромаха

Ужели Гектору преемник будет Пирр?

Сефиза

Что ж? В этом выборе лишь греки виноваты.
Но за него краснеть не стали бы пенаты,
И Гектор презирать, конечно, бы не мог
Того, кто всем для вас на свете пренебрег,
Чья гордость ради вас себя вражде открыла,
Кто перестал считать своим отцом Ахилла,
Его дела забыл, к вам страстию горя.

Андромаха

Пусть их не помнит он, — могу ль забыть их я?
Забыть, как вкруг стены влекли окровавленный
Труп мужа моего, всех почестей лишенный?
Забыть, как был убит Приам, великий царь,
И кровью старческой был обагрён алтарь?

О, вспомни, вспомни ночь, что длилась бесконечно,
 Став для моей страны последней ночью, вечной!
 Забыла ль ты, как Пирр, сверкающ и суров,
 Вошел в сиянии пылающих дворцов,
 Сквозь груды мертвецов, шагая всех спокойней,
 До самых пят в крови, и призывая к бойне?
 Крик победителей и побежденных крик!
 Кто гибнет в пламени, кто под мечом поник,
 Вокруг меня лишь смерть да зовы боевые, —
 Таким передо мной явился Пирр впервые.
 Вот подвигом каким он увенчал себя!
 Его ль в супруги мне ты избрала, любя?
 Нет, соучастницей не буду преступлений,
 Пусть жертвами его уйдем мы в царство теней,
 Пусть будет виноват во всем лишь он один.

С е ф и з а

Пойдем тогда смотреть, как встретит смерть ваш сын.
 Там ждут ведь только вас... Но вы идти не в силе!

А н д р о м а х а

Воспоминания мне душу уязвили!
 О, раны старые, Сефиза, не тревожь!
 Ужель умрет мой сын, что с Гектором так схож?
 В залог своей любви его мне дал любимый.
 В тот день, когда своим бесстрашием томимый,
 Ахилла он искал и смерть нашел в борьбе,
 Он сына принести велел тогда к себе.
 «Супруга, — молвил он, мне слезы утирая, —
 Что б ни сулил мне рок, судьбой моей играя,
 Останется мой сын, любви моей залог.
 Хочу, чтобы в тебе меня найти он мог,
 И если дорого тебе всё то, что было,
 Покажешь сыну ты, как ты отца любила!»
 Ужели Пирр ту кровь бесценную прольет
 И прекратит навек такой достойный род?

Скажи, жестокий царь, в чем виноваты дети?
 Ты ненавистен мне, — за что ж мой сын в ответе?
 Иль он корил тебя за гибель всей семьи?
 Иль упрекал тебя за горести свои?
 Но ты умрешь, мой сын, когда я не сумею
 Меч грозный удержать над головой твоею.
 Могу тебя спасти, и все же не спасу...
 Как? Он умрет, а я ту смерть перенесу?
 Но где же Пирр? Ах, нет, Сефиза дорогая,
 Ступай, найди его...

С е ф и з а

Что передать должна я?

А н д р о м а х а

Пойди, скажи ему, что сын мне слишком мил...
 Обетом Пирр ту смерть еще ведь не скрепил?
 Не может быть любовь жестокой так напрасно !

С е ф и з а

Ах, возвратится к нам он в ярости ужасной.

А н д р о м а х а

Так обещай ему...

С е ф и з а

Что обещать? Любовь?

А н д р о м а х а

Увы! Того, что нет, как обещаю вновь?
 Супруг мой! мой отец! наказана я строго!
 О сын мой, жизнь твоя мне стоит слишком много!
 Идем...

С е ф и з а

Куда? Зачем? Что вы решили вдруг?

А н д р о м а х а

Пусть за меня решит мой дорогой супруг!



ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Андромаха, Сефиза

Сефиза

Так хочет ваш супруг и утверждать я буду,
Что это Гектор сам помог свершиться чуду,
Он ждет, чтоб Троя вновь прекрасно расцвела
И сын его свершил великие дела.
Пирр обещал. И вот вы молвили лишь слово —
И сын ваш, госпожа, принадлежит вам снова.
Вы видите: отца, союзников и трон
Сложил у ваших ног без размышленья он.
Он делает из вас владычицу Эпира:
За это ли должны вы ненавидеть Пирра?
Уж против эллинов направив гневный пыл,
Он сына вашего заботой окружил,
Их гнев предчувствуя, он делится с ним стражей,
Чтоб охранить его, рискует жизнью даже.
Но в храме всё вас ждет, — ведь вы сказали: «да»!

Андромаха

Мы сына навестим, потом пойдем туда.

Сефиза

Куда спешите вы? Довольно, что отныне
Запрета нет для вас заботиться о сыне,

И будет ласкою он вашей окружен,
И каждый поцелуй не будет вам зачтен.
Вы будете растить его в любви и холе,
Не как раба, всю жизнь живущего в неволе,
Но так, чтоб царский род с ним вместе не угас.

А н д р о м а х а

Я на него взгляну сейчас в последний раз.

С е ф и з а

Что говорите вы?

А н д р о м а х а

Сефиза, дорогая!

Я говорю с тобой, всю душу открывая
И веру в преданность твою всегда храня.
Ужели до сих пор не знаешь ты меня?
Как! Ты поверила, что я предать готова
Того, кто так желал во мне воскреснуть снова?
Что, мертвых разбудив с их горестной тоской,
Я, чтоб помочь себе, нарушу их покой?
Нет! Клятва мной дана была совсем иная!
Но если сын в беде, его спасти должна я.
Пирр защитит его, коль женится на мне.
Достаточно: ему доверюсь я вполне.
Горяч, но искренен, — таким его узнала, —
Он больше сделает, чем посулит сначала.
А гнев, что потрясет всех эллинов сердца,
Даст сыну Гектора прекрасного отца.
Итак, раз жертвою помочь нельзя иною,
Согласна нынче стать я Пирровой женою.
Обетами, что я сегодня получу,
Я с сыном Гектора его связать хочу,
И вслед затем рукой, что лишь ко мне жестока,
Жизнь изменившую я пресеку до срока.

Я честь свою спасу и должное воздам
 Себе, и Гектору, и Пирру, и богам.
 Вот нежности моей простое измышление,
 Вот как исполню я мне данное веленье!
 Я чашу горькую хочу испить одна.
 Сефиза, ты закрыть мои глаза должна.

С е ф и з а

Одна унылую влачить не стану долю...

А н д р о м а х а

Нет! нет! Идти за мной тебе я не позволю.
 Мое сокровище тебе оставлю я!
 Ему принадлежит отныне жизнь твоя.
 Надежду всей страны приняв на попечение,
 Ты множества царей заслужишь уважение.
 За Пирром наблюдать ты будешь в тишине.
 Понадобится, — с ним беседуй обо мне,
 Пусть ценит наш союз, доверием согретый,
 Скажи ему, что я дала ему обеты,
 Что чувства гневные должны уйти во тьму,
 Что даже сына я доверила ему.
 А сына познакомь с героями родными,—
 Пусть подражает им и пусть гордится ими,
 Пусть знает, чем навек славны их имена,
 Что сделали они, в чем доблесть их видна.
 О подвигах отца тверди ему все снова,
 Порой о матери скажи ему два слова.
 Однако мстить за нас пусть не мечтает он:
 Тот, кто его растит, быть должен пощажен!
 Пусть сын наш предков чтит и в счастье и в невзгоде.
 Он отпрыск Гектора, но он — последний в роде,
 И для последнего я ныне отдаю
 И ненависть, и страсть, и даже жизнь мою.

С е ф и з а

Увы!

А н д р о м а х а

Останься здесь, когда своих страданий
 Не сможешь утаить и удержать рыданий.
 Сюда идут. Не плачь! Я говорю тебе,
 Что ты одна должна помочь моей судьбе.
 Ах, Гермиона... С ней я встречи не желаю.

Явление второе

Гермиона, Клеона

К л е о н а

Я в изумлении и вас не понимаю.
 Молчите вы? И тем, что вас обидел он,
 Ваш благородный дух нимало не смущен?
 Вы переносите обиду без печали, —
 Вы, что при имени коварной трепетали,
 Вы, для кого всегда был самый горький яд,
 Когда дарил ей Пирр хотя б единый взгляд?
 Он женится на ней, он ей отдаст с короной
 Все, что заслужено одною Гермионой...
 Нет! Эти немотой объятые уста
 Не жалуются мне на Пирра неспроста.
 Оцепенение опасностью чревато...
 Уж лучше б много раз...

Г е р м и о н а

Ореста позвала ты?

К л е о н а

Он здесь, он здесь, и вы увидите без слов,
 Что он попрежнему на все для вас готов;

Все так же рвенья полн, не требуя награды,
Глядеть на вас — иной не знает он отрады,
Но вот он...

Явление третье

Орест, Гермиона, Клеона

Орест

Госпожа, ужель на этот раз
Здесь появившись, я исполнил ваш приказ?
Иль я от радости опять вернусь к печали?
Иль вправду вы меня сюда зачем-то звали?
И этот светлый взор, досады не тая,
Хотел...

Гермиона

Я знать хочу, любима ль вами я?

Орест

Любимы ли вы мной? Ах! Клятвопреступленья,
И бегство, и возврат, и нежность, и мученья,
Моя печаль, мой взор, всегда тоской томим...—
Чему же доверять, когда не верить им?

Гермиона

Отмстите, и тогда поверю!

Орест

Если надо,
Пусть ярким факелом пылает вся Эллада!
Прославим ваш и мой неукротимый нрав,
Я — Агамемноном, а вы Еленой став.
В Эпире воскресим все муки старой Трои, —
Воспеты будем мы, как прежние герои!
Идемте, я готов...

Гермиона

Идти? Зачем? Куда?

Так долго мести ждать не стану никогда.
 Как! Не воздав врагу за наглость преступленья,
 Ждать где-то вдалеке неверного отмщенья
 И разрешать затем свою судьбу войной,
 В которой может месть остаться не за мной!
 Нет! Пусть Эпир мне вслед рыдает сокрушенный,
 Но нынче же, сейчас должна я быть отмщенной.
 Задержка каждая мой нарушает мир.
 Ступайте в храм скорей. И должен пасть...

Орест

Кто?

Гермиона

Пирр!

Орест

Пирр?

Гермиона

Что? Колеблетесь? Иль это непонятно?
 Бегите ж от меня, чтоб вас не звать обратно!
 О прежнем не хочу я помнить ничего.
 Не вам передо мной оправдывать его!

Орест

Мне! Мне оправдывать! Не вы ли, в самом деле,
 Его злодеяния все во мне запечатлели?
 Я отомщу ему, но отомщу не так, —
 Не как убийца, нет, но как заклятый враг.
 В бою погибнет он, а не убитый сзади.
 Могу ль я голову его привезть Элладе?
 Мне поручение моей страной дано,
 А я — я совершу убийство здесь одно?

Во имя всех богов! Пусть выскажутся греки,
 Пусть заклеят его всеобщий гнев навеки.
 Подумайте, он — царь, короной венчан он...

Гермиона

Так мало вам, что мной он на смерть обречен?
 Там мало вам того, что честь моя задета?
 Что жертвы требую себе одной за это?
 Что я себя за казнь назначила ценой?
 Что враг он наконец, что был любим он мной?
 Да, он мне дорог был, я не таюсь нимало!
 Так приказал отец иль страсть мне приказала, —
 Не все ль равно? Но вам совет хороший дан.
 Решайте ж! Несмотря на злой его обман
 И несмотря на все постыдные события,
 Пока он жив, его всегда смогу простить я,
 И ненависть моя рассеется как дым.
 Иль он умрет сейчас, иль будет мной любим!

Орест

Так пусть погибнет он!.. Нет для него пощады!
 Пусть!.. Но скажите мне, что совершить мне надо?
 И как могу тогда я утолить ваш пыл?
 И где хотите вы, чтоб я его убил?
 В Эпир приехал я совсем еще недавно.
 Вам нужно, чтобы я низвергнул трон, столь славный,
 Вам нужно, чтоб погиб столь гордый властелин,
 И вы даете день, нет — час, нет — миг один!..
 Не всенародно ли свершу я наказание?
 Ну что ж, готов вести я жертву на закланье!
 Не стану спорить я... Пока же посмотрю
 На храм, где меч вонзить я должен в грудь царю.
 Сегодня в ночь алтарь ему послужит плахой.

Гермiona

Но он венчается до ночи с Андромахой!
 И в храме для нее уже воздвигнут трон:
 Стыд завершился мой, позор мой подтвержден.
 Что ждатель? Он головы своей не ценит даже,
 На праздник он пойдет без воинов, без стражи,
 Им сына Гектора он охранять велел:
 Мстить за меня легко тому, кто будет смел.
 Ужель хотите вы его сберечь от мести?
 Вооружите всех, кто прибыл с вами вместе,
 Сзовите всех друзей, мои придут тотчас!
 Он лжец, изменник он, он презирает нас!
 Уж гневной яростью к нему пылают греки
 За то, что связан он с троянкою навеки.
 Нет! Моему врагу себя не убережеть! —
 Вы только дайте им из ножен вырвать меч!
 Пусть увлечет с собой ж вас их гнев открытый.
 Коль кровью дерзкого вернетесь вы покрытый, —
 То в сердце у меня вы полный властелин.

Орест

Но все ж, подумайте...

Гермiona

Довольно, господин!
 Все рассужденья здесь не к чести и не к месту!
 Как заслужить любовь, — сказала я Оресту!
 Но только жалобы я слышу от него,
 Он, видно, от меня не хочет ничего...
 Ступайте ж, верностью своей хвалясь повсюду,
 А я останусь здесь и мстить одна я буду.
 Я жалкой слабости своей стыжусь сейчас.
 Не много ль? — В тот же день еще один отказ!
 Одна пойду я в храм, где близок брак счастливый
 И где меня себе завоевать могли вы.

К врагу сумею я приблизить верный меч,
 И сердце поражу, что не смогла привлечь,
 А после на себя направлю те же руки,
 И больше нам не знать уж никогда разлуки,
 И будет слаще мне, порвавши жизни нить,
 С ним вместе умереть, чем вместе с вами жить.

О р е с т

Нет, радости такой вкусить вам не позволю, —
 От этой вот руки свою он примет долю!
 Вам в жертву принесу всех ваших я врагов,
 А ваших милостей — покорно ждать готов.

Г е р м и о н а

Тогда спешите! В вас не обману я веры.
 Пусть наготове ждут для бегства нас галеры!

Явление четвертое

Гермиона, Клеона

К л е о н а

Вы губите себя и даже, может быть...

Г е р м и о н а

Гублю себя иль нет, но жажду отомстить!
 Достоин ли Орест подобного доверья?
 Иль Пирра наказать должна сама теперь я?
 Его измена лишь в моих глазах тяжка,
 И я сразила бы его наверняка.
 За оскорбленье мстить, — что сладостней на свете?
 В крови неверного увидеть руки эти
 И, мучая его, пока он не угас,

Скрывать соперницу от потускневших глаз!
 Ах, если бы Орест, свое свершая дело,
 Успел ему сказать, что я того хотела!
 Пусть молвит Пирру он, поднявши меч над ним,
 Что не своей страной, а мною он казним!
 Беги, беги скорей, — мне месть моя постыла,
 Коль он не будет знать, что я его убила!

К л е о н а

Не бойтесь, догоню его я без труда.
 О боги! Госпожа! Сам царь идет сюда.

Г е р м и о н а

Оресту скажешь ты, что я сочла за благо,
 Чтоб, не спросив меня, не делал он ни шага.

Явление пятое

Пирр, Гермiona, Феникс

П и р р

Я здесь нежданный гость, о госпожа, и вот
 Я вижу, что прервал беседу мой приход.
 Я не затем пришел, чтоб хитростью напрасной
 Стараться оправдать поступок мой пристрастный.
 Довольно, что себя я тайно осудил,
 А ложь поддерживать — в душе нехватит сил.
 Избрал троянку я. Но, госпожа, я знаю,
 Что данный вам обет я этим нарушаю.
 Другой сказал бы вам, что там, в чужой стране,
 Решение двух отцов вас отдавало мне,
 Что, не спросив из нас ни одного об этом,
 Без страсти, без любви связали нас обетом.

Достаточно, что я к союзу был готов,
 Что сердце отдал вам через моих послов.
 Не отзывая их, не взяв назад согласия,
 Спокойно увидел сюда прибывшей вас я.
 Хотя и покорен огнем других очей,
 Уже неязвим для красоты ничьей,
 Не отдавался я влечениям безмерным,
 Я вам попрежнему хотел остаться верным,
 И как царицу вас я встретил, и всё вновь
 Пытался заменить обетами любовь.
 Но страсть сильнее меня, и Андромаха разом
 Украла у меня влечение и разум.
 Мы к алтарю спешить теперь обречены,
 И в вечной страсти дать обеты мы должны.
 Возмездья ждет от вас моя измена злая, —
 Я совершил ее, казнясь, но и желая.
 Пусть буйствует ваш гнев, виновного казня,—
 Еще сильнее, чем вас, он облегчит меня.
 Пускай клеймят меня позорные названья:
 Проклятий не страшусь, но я страшусь молчанья
 И сердце, вспомнив все бывшее в тишине,
 О нерассказанном повторит мне вдвойне.

Г е р м и о н а

Я рада, что во всем признаться мне смогли вы,
 Что, государь, к себе вы стали справедливы
 И знаете, что, рвя с невестою своею,
 Вы совершаете злодейство, как злодей,
 Но победителю не надо унижаться, —
 Обетов, данных им, к чему ему держаться?...
 Но нет! Вы увлеклись коварною игрой,
 Вам только хочется хвалиться предо мной!
 Долг забывая свой и клятв не признавая,
 Жених троянки вы!.. Зачем же вам нужна я?
 Отвергнуть, вновь признать и вновь отбросить прочь

Елены царственной и Менелая дочь?
 Корону отдавать царевне — и рабыне?
 Взяв Илион, пещись о Гекторовом сыне?
 Так поступает тот, кто властвует собой, —
 Своей неверностью играющий герой.
 Чтобы понравиться супруге вашей, видно,
 Должна я вас корить жестоко и обидно.
 Вам хочется взирать на горькое чело,
 Чтоб с нею надо мной потом смеяться зло.
 Вам хочется, чтоб я за ней в слезах бежала...
 Но нынче радостей вас ждет и так не мало!
 К чему вам имена, что вам еще новы,
 И не довольно ль тех, что носите уж вы?
 На вашей совести Приам, лишенный чести,
 И вся его семья, погибшая с ним вместе;
 Не вами ль пролита, как алое вино,
 Кровь, что от старости остыла уж давно?
 Вы Троию предали во власть мечу и тлену,
 Вы этою рукой убили Поликсену,
 Элладе взбешенной неслыханно грозя.
 Великодушней быть, мне кажется, нельзя.

П и р р

Я знаю, что мой гнев и впрямь был бесконечен,
 Что за Елену мстя, я был бесчеловечен.
 Я сам оплакал кровь, что пролил я тогда.
 Но прошлое забыть хочу я навсегда.
 Благодарю богов, что равнодушие ваше
 Страсть делает мою невиннее и краше.
 Но сердце Пиррово, терзаясь и любя,
 Не изучивши вас, не знало и себя.
 Мое признание вам было нестерпимым:
 Чтоб быть изменником, ведь надо быть любимым!
 Но не держали вы меня у ваших ног.
 Я мучусь, а меж тем, быть может, вам помог?

И нашим двум сердцам судьба дана иная:
 Я исполнял свой долг, вы — волю Менелая.
 Не заставляло вас ничто меня любить.

Гермиона

Ты не был мной любим? Могло ли это быть?
 Исканья всех других отвергла я жестоко,
 Сама пришла к тебе, к твоей стране далекой,
 Я здесь еще, хоть ты мне горько изменил,
 Хоть элинам давно уж мой позор не мил.
 Но им скрывать его велела я сурово.
 Я все еще ждала, что ты вернешься снова.
 Я думала, что долг в тебе заговорит,
 И сердце мне отдашь, что мне принадлежит.
 Неверный мил! Чего ж был верный бы достоин?
 Ведь даже в этот миг, когда ты так спокоен,
 Меня известием мучительным губя,
 Я не уверена, что не люблю тебя!
 Но если мой удел — жестокие удары,
 И вас влекут другой пленительные чары,
 Вступайте в брак; а я прошу лишь об одном —
 Не понуждать меня присутствовать при нем!
 Сейчас в последний раз меня вы повстречали...
 На завтра этот брак переложить нельзя ли?
 Молчишь!.. Коварный, ты сейчас мне явен весь!
 Потерян каждый миг, что ты потратил здесь.
 Троянку увидеть пылая нетерпеньем,
 Со мною речь ведешь ты только с сожаленьем.
 С ней сердцем говоришь и пламенем *очей*.
 Тебя я не держу! Беги скорее к ней!
 Клянись ей в верности, что мне принадлежала,
 И осквернай богов священные начала!
 Но боги мудрые спокойны и чисты, —
 Им не забыть, что мне дал эти клятвы ты.
 Беги же к алтарю с душою оскверненной,
 Но бойся встретиться там снова с Гермионой!

Явление шестое

Пирр, Феникс

Ф е н и к с

Вы слышали ее. Вы знаете: страшна
Любовь, что жаждой мстить и яростью полна.
Откуда помощь ждать, ей хорошо известно,
И распря эллинов связалась с нею тесно.
Орест влюблен в нее. Быть может, в их судьбе...

П и р р

Нас ждут. Астианакс поручен мной тебе.



ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Гермиона

Ах, что со мной? Куда стремлюсь неудержимо?
Чем я взволнована? Чем больно так томима?
Ах, над собою здесь я потеряла власть!
Что: ненависть во мне бушует или страсть?
Его глаза меня спокойно провожали,
Без сожаления, без видимой печали.
И разве жалостью ко мне он был смущен?
И разве он издал хотя б единый стон?
К моей тоске он нем, к страданью — без участия.
Ему ль рыдать со мной, когда он полон счастья?
А я о нем скорблю! Не в том ли казнь моя,
Что сердцем защищать его готова я?
Не мне ли смерть его страшней и горше яда?
Не я ль, готовя мечь, его простить была бы рада?
Нет! Праведен мой гнев, виновного казня:
Пусть гибнет он, когда живет не для меня!
Изменник! В торжестве он надо мной смеется,
Он мнит — моя гроза в одних слезах прольется,
И, беспокойная, не стойкая душой,
Удар одной руки я отклоню другой.
Он думает, я та, какою встарь бывала.
Вернее — до меня ему заботы мало,

И счастья его не может отпугнуть,
 Что гибели его желает кто-нибудь.
 Он предоставил мне об этом попеченье.
 Так что ж! Пусть нож Орест заносит без смущенья.
 Пирр должен умереть, раз с ней вошел он в храм,
 Он этого желать меня заставил сам.
 Желать? Ужели я убийство предписала?
 И Гермионы страсть могилой Пирру стала?
 Герой, о подвигах которого не раз
 Любила слушать я волнующий рассказ,
 Которому себя я тайно посвящала,
 Когда еще наш брак ничто не предвещало...
 Я столько стран, морей на то ль пересекла,
 Чтоб стать виновницей гибели и зла?
 Его убить? Казнить?.. Нет!.. Не услышу стона!..

Явление второе

Гермиона, Клеона

Гермиона

О, что я сделала? Что скажешь мне, Клеона?
 Что с Пирром?

Клеона

В этот миг в чаду блаженства он.
 Он горд всех более и боле всех влюблен.
 Я видела, как в храм — поверить захотите ль? —
 Победу новую он ввел, как победитель,
 И взора, где блистал его влюбленный пыл,
 От пленницы своей на миг не отводил.
 Шла Андромаха с ним под радостные кличи,
 Троянкой, в трауре исчезнувших величий,
 Не ведая любви, безлична ко всему,
 Без слез, без радости послушная ему.

Г е р м и о н а

Неблагодарный! Так со мной он сводит счеты?
 Скажи, в его лицо взгляделась хорошо ты?
 Вкушал ли радость он возвышенных сердец?
 Не обращал ли взор с тревогой на дворец?
 Была ль ты на виду, чтоб он тебя заметил?
 Не покраснел ли он, когда твой взгляд он встретил?
 Не страх ли выдала игра его лица?
 Ужель надменным он остался до конца?

К л е о н а

Увы! Он слеп. Мечты о подвигах, о чести
 Сегодня, госпожа, забыты с вами вместе.
 Не думая о том, кто друг ему, кто враг,
 Он просит у судьбы одних любовных благ.
 Всю стражу уступил он Гекторову сыну,
 Как будто не страшась себе удара в спину.
 Он Фениксу велел, чтоб мальчика увез
 Подальше от беды и всяческих угроз.
 К другим заботам Пирр сегодня равнодушен.

Г е р м и о н а

Коварный! Он умрет! Ведь мне Орест послушен?

К л е о н а

Орест явился в храм и элины вослед.

Г е р м и о н а

Ну, что ж, готов он мстить, скажи мне, или нет?

К л е о н а

Не знаю...

Г е р м и о н а

Как? И ты! И сам Орест не знает?
 Так предал он меня?

К л е о н а

Орест вас обожает.
Но он сомненьями терзается все вновь,
То совесть слушая, то слушая любовь.
Корона Пиррова ему почет внушила.
Он уважает в ней и Пирра и Ахилла.
Враждою элинов, их гневом он смущен,
Но более всего себя боится он.
Сразить врага в бою готов он для любимой,
Но стать убийцею ему невыносимо.
И он вошел туда, еще не зная сам,
Злодеем или нет покинет этот храм.

Г е р м и о н а

Нет! Счастье вкусят спокойно эти двое.
Не станет нарушать он торжество такое.
Причина дум его понятна и ясна:
Бойся смерти трус, она ему страшна.
Елена, мать моя, не посулив награды,
На помощь привлекла героев всей Эллады,
И видела она за десять лет боев
Погибель трех царей, и каждый был ей нов.
А я — я отомстить хочу за оскорбленье,
Влюбленному в меня я поручаю мшенье,
Чтоб он завоевал меня такой ценой, —
А он боится мстить, пренебрегает мной!
Что ж! Выполнию сама всю меру наказаний.
Пусть содрогнется храм от воплей и рыданий.
Священнодействие быть прерванным должно,
Чтоб длился их союз мгновение одно.
Не стану выбирать в кровавой суматохе,
Равны Орестовы и Пирровы мне вздохи.
Умру, но будет смерть моя отомщена,
И кое-кто еще умрет, не я одна.

Явление третье

Орест, Гермиона, Клеона

Орест

Свершилось, госпожа, приказанное вами:
Свой нечестивый дух Пирр испускает в храме.

Гермиона

Он умер!

Орест

Нет еще, но греки, разъярясь,
Втоптали в кровь и прах его предательств грязь.
Так обещал я вам; для мужества и чести
Казался заговор жесток и мерзок вместе,
Но я явился в храм; волнением горя,
Пробрались эллины за мной до алтаря.
Пирр увидал меня, но дерзок и упорен
Моим присутствием он был лишь раззадорен.
И тем, что в храме был сам эллинский посол,
Брак лишь в величии и блеске приобрел.
С себя корону сняв торжественно и немо,
И Андрوماхи лоб венчая диадемой:
«Я вам, — воскликнул он, — даю венец царей,
Царицей стали вы Эпира и моей,
Я сыну вашему отцом отныне буду,
Я клятву в том даю, и клятвы не забуду,
Его враги — мои от нынешних времен,
И признается мной царем троянским он;
Но грянули в ответ не радостные крики,
А наших эллинов вопль яростный и дикий,
И окруженным вдруг себя он увидал.
Я места не нашел, чтобы вонзить кинжал,—
Хотелось каждому сразить его ударом.
Я видел, как сперва он отбивался с жаром,
Как бросился бежать от них окровавлен

И как близ алтаря упал на плиты он.
 Пробравшись сквозь толпу, мятущуюся в храме,
 Я кинулся тотчас сюда, к дворцу, за вами,
 Чтоб в гавань поспешить, куда придут друзья,
 В крови, которую пролить был должен я.

Г е р м и о н а

Что сделали они!

О р е с т

Простите нетерпению!

Вам кажется, оно пошло во вред отмщению:
 Разить был должен я, чтобы злодей угас,
 Узнав, что смерть его постигла из-за вас.
 Но греков я увлек, сам увлекаем вами.
 Ведь лишь во имя вас мы появились в храме,
 Вы, госпожа, зажгли нам сердце и умы,
 Ведь вам орудием служить хотели мы,
 Вы нанесли удар...

Г е р м и о н а

Ах! Замолчи, несчастный!

И не вменяй другим поступок свой ужасный!
 От греков жди похвал чудовищной вине, —
 Тебя не признаю, и ты противен мне!
 Что, варвар, сделал ты? Твое ожесточенье
 Пресекло дней его прекрасное течение.
 Жестокие, его убили вы сейчас.
 Ужели же вся кровь не взбунтовалась в вас?
 Но говори: как смел решать судьбу его ты?
 Что сделал он? За что? Какие свел ты счеты?
 Кто мог велеть тебе?

О р е с т

Как! Разве не от вас

И не из ваших уст я получил приказ?

Гермиона

И ты поверить мог влюбленной безрассудно?
 Ужель в моей душе прочесть то было трудно?
 Иль не заметил ты, что гнев меня влечет
 И дух не признает того, что просит рот?
 Велела я, но ты, ты мог не дать согласия!
 Могла просить, молить и требовать сто раз я, —
 Ты ж должен был о том меня спросить опять,
 И вновь ко мне придти, верней — меня бежать!
 Зачем ты мне самой не предоставил мести?
 Зачем ты здесь? Ведь я забыла об Оресте!
 Так вот твоей любви кровотокающий плод!
 Ты горе мне привез — оно с тобой идет!
 Тем, что с посольством ты сюда явился ныне,
 Ты сам его толкнул в объятия рабыни.
 Не будь тебя, вся страсть досталась мне б самой,
 И был бы он моим иль делал вид, что мой!
 Спеши же на корабль! Я остаюсь в Эпире!
 На что мне Греция и Спарта? В целом мире
 Мне нет семьи, она чужда моей судьбе, —
 В нем есть чудовища подобные тебе.

Явление четвертое

Орест

То Гермиона ли? Она ль то говорила?
 Чего же ради кровь мне руки обагрила?
 Итак, предатель я, жестокосердый зверь!
 Но кто же мной убит? И кто я сам теперь?
 Как! Разум погасив, скорбя о страшной доле,
 Великого царя убил я против воли,
 Я преступил закон царей, закон послов,
 И человеческий закон, без дальних слов,

И право алтаря, что все мы чтим и знаем,
 Я святотатцем стал, убийцей, негодяем, —
 И для кого? Для той, кому служить был рад,
 Для той, что на меня не подымает взгляд,
 Которая теперь, когда всё безвозвратно,
 В безумьи требует кровь мертвого обратно.
 Орест — чудовище! Пирр — ненаглядный друг!
 Нет, никогда она мне не протянет рук!
 Одни проклятия — ее награда злая,
 И я их заслужил, ей угодить желая.

Явление пятое

Орест, Пилад

П и л а д

Иль надо нам бежать, иль уж решим тогда,
 Что суждено нам здесь остаться навсегда.
 Покуда эллины еще стоят у входа, —
 Но нелегко уйти от ярости народа.
 Все Андромaxe здесь теперь подчинено.
 Она царица их, они с ней заодно.
 И та, что спорила с царем всегда так смело,
 Теперь вдовой его оплакивает тело.
 Она захочет мстить, и можно предсказать,
 Что нам за Гектора придется отвечать.
 Когда нас окружают, то будет все напрасно.
 Идемте ж к кораблям! Пока, волнуясь страстно,
 Вкруг Гермiones там столпился весь народ,
 Спокойно мы уйдем: для нас открыт проход.

О р е с т

Нет, Гермione вслед идти, друзья, мне надо!
 Мне приговор ее — смертельная награда.
 Я виноват, вину я должен искупить!

П и л а д

Но Гермioniу вы должны теперь забыть!
Вы ненавистны ей при жизни и, поверьте,
Обиды новые вас встретят после смерти.
Она мертва, зачем спешить вам ей вослед?

О р е с т

Что слышу я? Мертва?

П и л а д

Да! В этом тайны нет!
Царевну видели мы к храму по дороге,
Спешащую туда в неистовой тревоге.
Навстречу воины, желаньем мстить горя,
Несли торжественно кровавый труп царя.
При этом зрелище в ней вспыхнул гнев жестоко.
Я видел, как она, подняв клинок высоко
И к Пирру наклонясь, что перед ней лежал,
Себе вонзила в грудь сверкающий кинжал.

О р е с т

О боги! Превзошла беда все ожиданья!
Хвала вам, небеса, за вечные страданья!
Наказывать меня вы рады каждый миг!
Предела горестей сегодня я достиг!
Я вашей злобою давно гоним сурово,
Я родился, чтоб мной ваш гнев играл все снова,
Чтоб жизнь моя была ужасна и страшна.
Спокойно я умру, — свершилось все сполна!
Но где ж влюбленные? Нужна и мне награда.
Их кровью и моей мне захлебнуться надо
И в лица им глядеть до самого конца.
Непримиримые соединим сердца!
Но мрак вокруг меня невыносим и мрачен!
Где выход мне найти? Я трепетом охвачен.

Мне ужас грудь теснит! И небеса кляня...
О боги! Кровь течет ручьями вокруг меня.

П и л а д

Мой господин!

О р е с т

Как! Пирр, тебя опять я вижу!
Тебя, которого смертельно ненавижу!
Так много раз пронзен, как уцелеть ты смог?
Вот, — получай удар, что я тебе сберег!
Но Гермиона здесь! Пылая страстным жаром,
Мне не дает она сразить его ударом!
О боги, что за взгляд бросает мне она,
Толпою демонов и змей окружена?
Исчадья ада! Вам моих терзаний мало?
К кому венцы из змей протягивают жала,
С шипеньем яростным вьются вокруг ваших плеч?
В тьму вечную меня хотите вы увлечь?
Но что отрадно вам в моем предсмертном стане?
Нет! Прочь! Я предаюсь одной лишь Гермионе,
Неблагодарная терзать меня должна,—
Пусть сердце теплое мое пожрет она!

П и л а д

Он чувств лишается. Друзья, скорей за дело!
Нам легче вынести бесчувственное тело.
Спасем его скорей! Все будет ни к чему,
Когда с сознанием вернется гнев к нему.

